

Л. Троцкий

Перед новой мировой войной

(Перепечатка во всех странах, кроме СССР, воспрещается).

*«Не плакать, не смеяться, а понимать».
Спиноза.*

Неопределенность международных группировок

Пресса каждый день оглядывает мировой горизонт, ища дыма и пламени. Чтоб составить перечень возможных очагов войны, пришлось бы привлечь к делу полный учебник географии. В то же время международные антагонизмы так сложны и запутаны, что никто не может точно предсказать не только, в каком месте вспыхнет война, но и того, какова будет группировка воюющих сторон. Стрелять будут, но кто в кого — неизвестно.

В 1914 году главным фактором неопределенности была Великобритания: она до тех пор заботилась о «равновесии», пока не помогла Европе свалиться в пропасть. Вторым неизвестным была Италия: она 35 лет состояла в союзе с Германией и Австро-Венгрией, чтобы в военное время повернуть свои пушки против союзников. Могущественным, но отдаленным сфинксом были Соединенные Штаты, которые вступили в войну лишь в ее последней, решающей стадии. Мелкие государства еще более увеличивали число неизвестных в уравнении. Зато устойчивыми факторами обстановки с самого начал<a> являлись австро-германский и франко-русский союзы, которые и определили ось военных действий. Всем остальным участникам пришлось группироваться вокруг этой оси.

Ныне нет и в помине относительной устойчивости лагерей доброго старого времени. Политика Лондона, определяемая противоречивостью интересов империи в разных частях света, сейчас еще неизмеримо труднее поддается прогнозу, чем до августа 1914 года. Правительство его величества вынуждено в каждом вопросе равняться по тому из доминионов, который проявляет наиболее центробежные тенденции. Империалистская

экспансия Италии привела к необходимости раз на всегда освободиться из-под слишком «дружественной» британской опеки. Успехи Муссолини в Африке и рост итальянских вооружений означают непосредственную угрозу жизненным интересам Великобритании. Для Германии, наоборот, ненадежная дружба с Италией, является, в более отдаленной перспективе, средством борьбы за благожелательный нейтралитет Великобритании. Отказаться от этого этапа на пути к мировому господству Германия могла бы только в случае соглашения с Советским Союзом. Такой вариант тоже не исключен; но он остается на втором плане, в качестве резерва. Гитлер борется против франко-советского союза не из принципиальной вражды к коммунизму (ни один серьезный человек не верит более в революционную роль Сталина!), а потому, что хочет иметь руки свободными для соглашения с Москвой против Парижа, если не удастся соглашение с Лондоном против Москвы. Но и франко-советский договор не есть фактор устойчивости. В отличие от старого франко-русского военного союза, он есть туманное пятно. Французская политика, в постоянной зависимости от Великобритании, колеблется между условным сближением с Германией и безусловной дружбой с СССР. Амплитуда этих колебаний будет чем дальше, тем больше возрастать.

Еще больше запутывают положение средние и мелкие государства. Они похожи на небесных спутников, которые не знают вокруг какого светила им вращаться. На бумаге Польша состоит в союзе с Францией, но фактически сотрудничает с Германией. Румыния входит формально в Малую Антанту, однако, не без успеха вовлекается Польшей в сферу германо-итальянского влияния. Возрастающее сближение Белграда с Римом и Берлином вызывает все больше беспокойства не только в Праге, но и в Бухаресте. С другой стороны, Венгрия вполне основательно боится, что ее территориальные aspirations падут первой жертвой дружбы между Берлином, Римом и Белградом.

Все хотят мира, особенно те, которые не могут ничего доброго ждать от войны: Балканские страны, мелкие прибалтийские государства, Швейцария, Бельгия, Голландия, Скандинавские государства. Их министры съезжаются на конференции, заключают соглашения и говорят речи о мире. Все в целом похоже на кукольную комедию у жерла вулкана. Никому из малых сил не будет позволено остаться в стороне. Все будут истекать кровью. Еще вчера казавшаяся абсурдной мысль, что Скандинавские страны могут воевать друг с другом, становится сегодня вероятной. Достаточно Германии найти опору в Швеции, а Великобритании — в Дании, и Скандинавские «сестры» окажутся во враждебных лагерях. Конечно, при том условии, что Великобритания и Германия будут воевать друг с другом.

Соединенные Штаты сейчас больше всего озабочены тем, чтобы держать руки подальше от европейского костра. Но ведь так было и в 1914 году. Нельзя безнаказанно быть великой державой, тем более — величайшей. Нейтралитет легче декретировать, чем выдержать на деле. К тому же, кроме Европы, существует еще Дальний Восток. В течение годов мирового промышленного кризиса, парализовавшего волю большинства великих держав, Япония окончательно завоевала Манчжурию и оккупировала северные провинции Китая, угрожая дальнейшим расчленением великой и несчастной страны. Внутренний политический кризис в СССР, обезглавление Красной Армии и жалкая капитуляция Москвы по вопросу об Амурских островах окончательно развязали руки японской военщине. Дело идет ныне о судьбе Дальнего Востока в целом.

Вашингтонское правительство меняет курс. Сосредоточение флота в Тихом океане, постройка дредноутов и бомбовозов дальнего действия, развитие воздушных сообщений на Тихом океане, программа укрепления океанских островов, слишком красноречиво

подготавливают отказ от политики добровольной изоляции. Но и на Дальнем Востоке нельзя еще с уверенностью предсказать будущую комбинацию сил. Япония предлагает Англии «сердечное соглашение» для сотрудничества в Китае, рассчитывая постепенно свести британского льва на заячий паек. Прежде, однако, чем принять или отклонить это предложение, Великобритания хочет увеличить свой флот, укрепить Сингапурскую базу, возвести новые укрепления в Гонконге. На Востоке, как и на Западе, Великобритания остается главным фактором неопределенности. На Востоке, как и на Западе, военные союзы складываются гораздо медленнее, чем назревают военные конфликты.

Политика «ждать и глядеть» (wait and see) имела смысл, пока оставалась привилегией Великобритании пред лицом разбитой на два лагеря Европы. Но когда все государства, без исключения, вынуждены усваивать метод выжидательного вероломства, дипломатические отношения превращаются в безумную игру, участники которой ловят друг друга с завязанными глазами и с револьверами в руках. Большим и малым державам не останется, видимо, ничего другого, как наспех строить военные союзы уже после того, как раздадутся первые выстрелы новой великой войны.

Пацифизм, фашизм и война

Еще не так давно пацифисты разных оттенков верили или притворялись верующими, что при помощи Лиги Наций, парадных конгрессов, референдумов и других театральных инсценировок (большинство их оплачивалось из бюджета СССР) можно предупредить новую войну. Что осталось от этих иллюзий? Из семи великих держав три — Соединенные Штаты, Япония, Германия — вне Лиги Наций, четвертая, Италия, разрушает Лигу изнутри. Остальные три находят все менее нужным прикрывать маркой Лиги свои особые интересы. Меланхолические сторонники женевского учреждения, вчерашней «надежды человечества», пришли к выводу, что единственное средство «спасти» Лигу состоит в том, чтобы не ставить перед нею серьезных вопросов. В 1932 году, когда открылась пресловутая конференция по разоружению, европейские армии насчитывали 3.200.000 душ. В 1936 году число это поднялось уже до 4.500.000 душ и продолжает непрерывно расти. Что случилось с референдумами лорда Сесилия? Кому вручить ближайшую нобелевскую премию мира? Женевская политика разоружения перестала даже быть благодарным объектом для карикатуры.

Инициатива новой горячки вооружений принадлежит фашистской Германии, которая с безошибочным инстинктом, сопутствующим иногда буйному помешательству, сумела вырваться из версальских цепей. Но убедительнее всего неотвратимость нового мирового столкновения обнаруживается, пожалуй, на примере Великобритании. Консервативный пацифизм этой страны внушался до самого последнего времени стремлением тратить как можно меньше на охрану старых завоеваний. Однако, унижительные поражения британской политики в Манчжурии, Абиссинии, Испании показали Болдвину и его коллегам, что нельзя жить без конца инерцией старой мощи. Отсюда почти панический рефлекс самосохранения, выразившийся в самой грандиозной из всех военных программ. Великобритания собирается в течение ближайших лет стать самой могущественной державой на воде и в воздухе — во имя мира и статус кво! Но этим она, в свою очередь, дает неудержимый толчок морским и воздушным вооружениям по другую сторону Атлантики. Таков путь наиболее насыщенной, «мирной», «демократической» страны, которая возглавляла конференцию по разоружению: от свободы торговли — к протекционизму и от пацифизма — к вооружениям. Где же те земные силы, которые могли бы помешать от вооружений перейти к войне?

Нельзя ли, однако, ждать, что отпор военной опасности будет дан снизу, рабочими массами, в виде всеобщих стачек, восстаний, революций? Теоретически это не исключено. Однако, если не принимать желаний или страхов за факты, то такую перспективу надо признать мало вероятной. Трудящиеся массы всего мира находятся сейчас под гнетом страшных поражений, которые они потерпели в Италии, Польше, Китае, Германии, Австрии, Испании, отчасти во Франции и ряде мелких стран. Старые Интернационалы — Второй, Третий и Профессиональный — тесно связаны с правительствами демократических государств и активно участвуют в подготовке войны «против фашизма». Правда, по отношению к Германии, Италии, Японии социал-демократы, как и коммунисты, являются пораженцами; но это значит лишь, что они борются против войны только в тех странах, в которых они не имеют никакого влияния. Чтоб подняться против милитаризма, массы должны были бы предварительно сбросить с себя опеку официальных Интернационалов. Это не простая задача. Она не будет разрешена ни в день, ни в месяц. Сейчас, во всяком случае, политическое пробуждение пролетариата происходит медленнее, чем подготовка новой войны.

В оправдание своей милитаристской и шовинистской политики Второй и Третий Интернационалы пропагандируют ту мысль, будто новая война будет иметь миссией защиту свободы и культуры от фашистских агрессоров: «мирные» страны, возглавляемые великими демократиями Старого и Нового света, с одной стороны, Германия, Италия, Австрия, Венгрия, Польша, Япония — с другой. Такая классификация вызывает сомнения, даже с чисто формальной стороны. Югославия не менее «фашистское» государство, чем Венгрия, и Румыния не ближе к демократии, чем Польша. Военная диктатура господствует не только в Японии, но и в Китае. Политическая система Сталина все больше приближается к системе Гитлера. Во Франции фашизм может смести демократию еще до новой войны: правительства «народного фронта» делают во всяком случае, что могут, для облегчения такой смены. В современной мировой системе не так легко, как видим, отделить волков от агнцев!

Что касается борьбы «демократий» против фашизма, то, вместо гаданий о будущем, лучше оглядеться на Пиренейский полуостров. Сперва демократии подвергли блокаде законное правительство Испании, чтобы не дать «повода» для интервенции Италии и Германии. Когда же Муссолини и Гитлер обошлись без повода, «демократии» поспешили — в интересах «мира» — капитулировать перед интервенцией. Испания опустошается. Тем временем представители демократий развлекаются прениями о наилучших способах дальнейшего невмешательства. Московское правительство тщетно пытается радикальными гримасами прикрыть свое участие в постыдной и преступной политике, которая облегчила задачу генерала Франко и укрепила общие позиции фашизма. Минеральные богатства Испании, а не ее политические принципы, определяют завтра ее отношения с другими странами. Горький, но поистине неопределимый урок для будущего!

Приведенная выше классификация государств имеет, правда, свой исторический смысл, но совсем не тот, какой значится в дешевых пацифистских прописях. Раньше всего пришли к фашизму или к другим формам диктатуры те страны, внутренние противоречия которых достигли наибольшей остроты: страны, без собственного сырья, без достаточного выхода на мировой рынок (Германия, Италия, Япония); страны, потерпевшие поражение в войне (Германия, Венгрия, Австрия), наконец, страны, где кризис капиталистической системы осложняется докапиталистическими пережитками (Япония, Польша, Румыния, Венгрия). Все эти исторически запоздалые или обделенные нации естественно наименее удовлетворены политической картой нашей планеты. Их внешняя политика имеет, поэтому,

более агрессивный характер, чем у привилегированных стран, озабоченных прежде всего охраной захваченной ранее добычи. Отсюда вытекает очень условное деление государств на сторонников и противников статус кво, причем фашистские и полуфашистские страны окажутся преимущественно во второй группировке. Это вовсе не значит, однако, что именно эти две группировки будут воевать друг с другом. В случае мирового конфликта программа статус кво вообще исчезнет бесследно: дело будет идти о новом переделе мира. Нынешние фашистские противники статус кво окажутся в обоих воюющих лагерях, так как выбор союзников будет определяться не политическими симпатиями, а географическим положением, экономическими связями и, особенно, оценкой соотношения сил. Гитлер был бы счастлив отнять у Франции колонии в союзе с Великобританией, хотя бы и в прямой войне с итальянским фашизмом. В свою очередь, Муссолини может «изменить» и, по всей вероятности, изменит Гитлеру, как итальянское правительство 1914 года изменило Гогенцоллерну и Габсбургу. «Священный эгоизм» будет торжествовать и в отношениях между фашистскими странами.

Правда, тоталитарное государство есть режим, наиболее отвечающий природе нынешней «тоталитарной» войны. Но это значит лишь, что нынешние демократии в ходе мировой бойни, а может быть уже и накануне ее, неизбежно приблизятся к фашистскому режиму, если не полностью уступят ему место. Сближение политических систем отнюдь не означало бы, однако, примирения враждебных интересов. Фашистская Франция вряд ли поделилась бы своими колониями с Гитлером. Если бы доблестный лорд Мосли воцарился на британских островах, — исторически это не исключено, — он был бы не более нынешнего правительства склонен уступать Италии господство на Средиземном море. Словом, как состав воюющих лагерей, так и ход самой войны определяется не политическими, расовыми или моральными критериями, а империалистическими интересами. Все остальное есть пускание пыли в глаза!

Когда придет война?

Силы, действующие в сторону ускорения войны, как и в сторону ее отсрочки, так многочисленны и сложны, что было бы слишком рискованно покушаться на календарное пророчество. Однако, некоторые пункты для прогноза имеются налицо. В Лондоне склонны ныне считать, что наиболее опасный период закончится к 1939 году, когда британские вооруженные силы, предназначенные для защиты «мира», поднимутся на достаточную высоту. С этой точки зрения военная опасность представляется убывающей по мере роста вооружений.

Но не воспользуются ли в таком случае Германия или Италия остающимся льготным сроком, и не вызовут ли преднамеренно войну в течение ближайших 24 месяцев? Многое позволяет думать, что нет. Решающее слово принадлежит не Италии, а Германии. Между тем Германия не готова. Правда, живые традиции прусского милитаризма при высоком уровне немецкой техники позволяют Гитлеру производить работу вооружения такими темпами, каких еще не знала история. Чудес не может, однако, создать и самое тоталитарное государство. За годы между версальским миром и победой наци, молодые германские поколения не проходили через казарму. В стране нет готовых резервов. Чтоб подвергнуть несколько миллионов душ хотя бы элементарной военной обработке нужны многочисленные кадры офицеров и унтер-офицеров. Выработать наиболее совершенные типы военных машин, наладить их массовое производство, создать запасы необходимого сырья, воспитать новые командные кадры, обучить сырой человеческий материал, — все это требует времени. Именно благодаря своему лихорадочному росту военный аппарат

Гитлера должен на каждом шагу обнаруживать диспропорции и пробелы. Немецкие власти, наверняка, оценивают боевую готовность своей армии на сегодняшний день значительно ниже, чем их противники. Нужно еще, по меньшей мере, два года, чтоб берлинский генеральный штаб перестал сдерживать благородное нетерпение политических вождей.

Состояние вооружений является, однако, только одним из факторов войны, и не самым главным. Такого момента, когда бы все страны почувствовали себя «достаточно» вооруженными, никогда не наступит. Сам по себе взятый автоматизм вооружений толкает, конечно, к войне, а не к миру. Но армия — не самоцель, а орудие политики, которая в свою очередь, является орудием материальных интересов. Толчок, который вызовет новую войну, будет, вернее всего, дан переломом экономической конъюнктуры.

Напомним, что бурный и длительный промышленный подъем сменился в 1913 году кризисом, который имел уже не только конъюнктурный, но и структурный характер: производительным силам Европы стало тесно в рамках национальных границ. Кризис 1913 года породил у господствующих классов ту напряженную нервность, в которой скоро растворились выжидательность и осторожность: в результате в 1914 г. вспыхнула война. Правда, последний кризис (1929–1933) не вызвал военных потрясений. Оптимизм, порожденный предшествующим подъемом, был так слеп, что правящие классы упорно пытались видеть в кризисе короткую заминку. Иллюзии исчезали лишь постепенно, по мере паралича торговли и роста армии безработных. На внешней политике тех годов — за вычетом наиболее больных стран: Японии, Германии и Италии — лежала печать выжидательности, нерешительности, маразма.

Совершенно иное действие на внутреннюю политику, как и на внешнюю, окажет наступление нового кризиса, ждать которого придется, по всем данным, недолго. Нынешнее экономическое оживление — при дезорганизованном мировом рынке, разрушенном денежном обращении, хронической армии безработных — никому не внушает доверия. Конъюнктура поддерживаемая, главным образом, военными заказами, означает расточение основной субстанции хозяйства и, тем самым, подготовку нового, более глубокого и болезненного кризиса. В этом правящие классы не могут не отдавать себе отчета уже теперь. Чем ближе будет подходить к концу выполнение программ вооружения, тем меньше останется места для иллюзий, тем большая нервность будет охватывать вершителей судеб.

Но может быть у правящих остается еще возможность отодвинуть кризис и, что важнее, свести его к размерам преходящей конъюнктуры, а не социальной катастрофы? Для этого нужно было бы, по меньшей мере, снести таможенные барьеры, восстановить в правах золотую денежную единицу, регулировать проблему международных обязательств и повысить покупательную способность масс, дав машине вооружений обратный ход. Кто не слеп, тот признает с нами, что нет ни малейших оснований надеяться на подобные чудеса.

Торговые представители сорока наций собрались в конце июня в Берлине, чтоб выслушать гимн Геринга в честь автаркии. Благочестивые речи отдельных делегатов о преимуществах либерального экономического режима звучали насмешкой над действительностью. Страны, богатые сырьем, захотят ли обеспечить им своих противников на случай войны? Колониальные империи отдадут ли часть своих владений обделенным нациям? Страны, сосредоточившие в своих руках золото, займутся ли бескорыстным лечением расстроенных денежных систем своих соперников? Эти простые вопросы заключают в себе готовые ответы. Национальные барьеры охраняются тем более ожесточенно, чем более

реакционную роль они играют в системе мирового хозяйства. Не все поют открыто славу автаркии; но все стремятся укрыться под ее призрачной сенью. Между тем «автаркия» вовсе не означает самоудовлетворение в национальных границах: как особенно откровенно показывают программы Германии и Италии, автаркия нуждается в захвате колоний и чужих земель вообще. Доктрина замкнутого хозяйства оказывается только предпосылкой империалистской агрессии.

Выросшая из экономических затруднений военная опасность еще более обостряет их. Каждый школьник знает ныне, что разрыв дипломатических отношений, официальное объявление войны или уважение к нейтралитету представляют такие же анахронизмы, как фижмы и менуэты. Все правительства остаются настороже. Напряжение мирного времени, принимающее подчас такие формы, какие раньше бывали возможны лишь при разрыве дипломатических отношений, меньше всего способствует экономическому процветанию. Все говорит за то, что грядущий кризис далеко оставит позади кризис 1929 и следующих годов. Дипломатия пассивного выжидания станет в этих условиях невозможна. Политика переливания крови, по американскому образцу, Европе не по плечу. Новый кризис поставит все вопросы ребром и толкнет правящих на путь решительных мер, которым нельзя будет отличить от мер отчаяния.

Война может, таким образом, разразиться уже на исходе ближайших трех-четырёх лет, т. — е. как раз к тому времени, когда завершение программ вооружения должно будет «обеспечить мир». Срок мы называем, разумеется, лишь в целях общей ориентировки. Политические события могут приблизить или отдалить момент взрыва. Но неизбежность его заложена в динамике хозяйства, в динамике социальных противоречий, как и в динамике вооружений.

Стратегия будущей войны

Накануне 1914 года господствовала доктрина короткого сокрушительного удара. Она особенно дорого обошлась Франции. «Удар» растянулся на 52 месяца. После того, как злой гений человечества изобрел несравненные машины истребления, вооруженные ими армии оказались вынуждены зарыться в землю, как кроты. Но чем деспотичнее траншея связала оперативные действия во время войны, тем смелее взвилась военная мысль ввысь, после Версальского мира. Унижение, испытанное стратегией, как и астрономические расходы по взаимному истощению народов, толкали военную фантазию на поиски более блестящих и дешевых путей. Отсюда новые школы: одна стремилась заменить вооруженный народ немногочисленной армией специалистов; другая переносила центр тяжести в воздух; третья возлагала надежды на луч смерти. Генерал И. Ф. Фуллер серьезно рассчитывал, что применение электрической энергии в войне способно «устранить уязвимый пункт всех войн прошлого, именно фактор человека». Генерал Сект пришел к выводу, что в состязании между людскими массами и техникой победа остается за техникой. Отсюда теория маленькой, но высоко квалифицированной армии, которая потоком железа и огня врывается во вражескую страну. На самом деле противопоставление «техники» и «масс», или, как выражаются иногда, «качества» и «количества», представляет безжизненную абстракцию. Если механизированная армия в 200 тысяч душ способна совершать чудеса, то две таких армии способны совершить не вдвое, а вчетверо больше чудес. Закон числа сохраняет свою силу и на самой высокой технической основе. Проще говоря: воюющая нация вынуждена будет выставить как можно большее количество как можно лучше вооруженных солдат. Но именно поэтому нельзя надеяться на «сокрушительный удар».

Выдвинутая Сектом доктрина маленькой армии вытекала не из материальных условий военного дела, а из ограничительных условий версальского мира. Когда эти последние отпали, Гитлер ввел всеобщую воинскую повинность. В Англии, где традиции и финансы препятствуют введению воинской повинности, находятся еще теоретики замены людей машинами. Первый день войны будет, однако, для Англии днем введения конскрипции.

Римские и берлинские стратеги тешат себя или народ перспективой воздушных набегов, которые одним ударом разрушают жизненные центры врага. Источник этой доктрины в том, что у Рима, как и Берлина нет ни газа ни золота для долгой войны. Наряду с прославлением будущего воздушного рейда, тот же Геринг хвалится своей противовоздушной обороной, которая должна отбить у противников охоту совершать воздушные атаки. Беда, однако, в том, что и другие страны развивают параллельно авиацию и противовоздушную оборону! Воздушная дуэль может дать крупный тактический успех, но не стратегическое решение.

Не более основательна надежда на то, что какой-либо исключительный технический «секрет» позволит сразу опрокинуть неподготовленного противника. Каждое новое открытие одновременно дает толчок мысли изобретателей во всех цивилизованных странах. Военная техника, больше, чем всякая другая, имеет интернациональный характер: об этом достаточно заботятся военно-промышленные концерны и шпионаж. У генеральных штабов есть секреты от собственного народа, но нет секретов от генеральных штабов других стран.

Никакая армия не может держать в резерве, вместе с консервными банками, готовые химические или электрические чудеса. Всякое изобретение подлежит проверке, которую может дать только война. Постановка массового производства военных машин требует года и даже двух. Уже по одному этому нельзя ждать широкого применения в начале войны каких-либо «решающих» технических средств, не испытанных в прошлом. В военном деле эклектизм заходит неизмеримо дальше, чем в хозяйстве. Ближайшая война начнет в общем с того уровня, на котором закончилась прошлая война. Новые средства будут постепенно присоединяться к старым, делая армию тяжелее и многочисленнее.

В области капиталистического хозяйства, где объем производства ограничен покупательной способностью населения, машины на известном уровне начинают вытеснять людей. В военном деле этого ограничения нет: людей истребляют независимо от их «покупательной способности». Несмотря на автотранспорт, современные армии требуют, как и в эпоху Наполеона, одной лошади на трех человек. В абсолютных числах это означает миллионные армии лошадей. Точно также, несмотря на механизацию всех отраслей военного дела, число людей, обслуживающих военные машины, не убывает, а растет.

Военные операции последнего времени (Дальний Восток, Абиссиния, Испания), несмотря на свой фрагментарный характер, оказались достаточны, чтоб окончательно вернуть стратегическую мысль с небес на землю. Чем ближе надвигается опасность войны, тем больше официальная стратегия возвращается к проверенным образцам. Сейчас все морские державы заняты обновлением старых и постройкой новых гигантских линейных кораблей, которые в первые годы после войны относились к категории ихтиозавров. Весьма вероятно, что маятник здесь откачнулся слишком далеко назад. В морском деле, где машина деспотически господствует над человеком, стратегическая мысль особенно консервативна и неповоротлива.

Но как бы дело ни обстояло с дредноутами, Англия снова вынуждена будет оборонять себя на европейском континенте. Люди живут не на воде, не в воздухе, а на земле. Морской и воздушный флоты представляют только вспомогательные средства для вторжения на чужую территорию, или для ограждения собственной. Решаться судьба войны будет на суше. Сухопутная армия остается, по крайней мере в европейском или мировом масштабе, главной силой нападения и обороны. Основу армии составляет пехота. Чем многочисленнее она, при прочих равных условиях, тем больше шансов на победу.

Война будет иметь тоталитарный характер, который выразится не только в том, что операции будут разыгрываться одновременно на земле, под землей, на воде, под водой и в воздухе, включая и стратосферу, но и в том, что война втянет в свой водоворот все население, все его богатства, материальные и духовные. Одна часть человечества будет сражаться на фронте трех измерений. Другая будет фабриковать амуницию, голодать и погибать в «тылу». Несмотря на завоевание эфира, стратосферы и полюса, несмотря на «лучи смерти» и иные апокалиптические ужасы, армии будут также сидеть в грязи, как сидели в прошлую войну, а может быть и значительно глубже.

Остается, конечно, разница экономического и технического уровня разных стран. Преимущества более высокой культуры особенно властно дадут себя знать во время войны. Если «секрет» будет известен всем участникам, то неодинаковой будет их способность фабриковать этот секрет в массовом количестве. Однако, различие уровней будет, как и в прошлой войне, в значительной мере нейтрализовано группировкой разных стран в обоих воюющих лагерях. Так, слишком явный перевес Германии над Францией, если бы он обнаружился на деле, вызвал бы двойное усилие со стороны Великобритании и в то же время мог бы испугать Италию и побудить ее к выжиданию и даже к сближению с Францией. Если допустить, далее, что военно-технический перевес Германии обеспечил бы ей крупные успехи в борьбе с Великобританией, — как и в противоположном случае, — Соединенные Штаты снова оказались бы вынуждены выйти из состояния выжидательного нейтралитета. Взаимозависимость всех частей нашей планеты слишком велика, чтоб можно было надеяться на локализованную военную развязку. Где бы и по какому бы поводу ни началась война, крупные успехи одной из великих держав означали бы не конец войны, а только увеличение ее радиуса. Страх перед победителем вызвал бы расширение враждебной коалиции. Спираль войны захватит неизбежно всю нашу планету. Единственным нейтральным пунктом останется, может быть, Южный Полюс; Северный, во всяком случае, будет служить опорным пунктом для военной авиации. Предоставленная собственной логике, мировая война, при нынешних условиях техники, означала бы для человечества сложный и дорого стоящий метод самоубийства. Той же цели можно было бы достигнуть гораздо проще, именно заключив все человечество в клетку объемом, примерно, в кубический километр, и утопив эту клетку в одном из океанов. Такая задача «короткого и решающего удара» была бы вполне по плечу современной технике, и обошлась бы несомненно дешевле, чем военная программа любой из великих держав.

Война и революция

Крупные и сильные одерживают в войне верх над мелкими и слабыми. Географическое положение, размеры территории, численность населения, источники сырья, золотые запасы, техника обеспечивают Соединенным Штатам огромный перевес над другими странами. Если допустить, что мировая война дойдет до своего естественного конца, т. — е. до полного обезвоживания воюющих лагерей, то нельзя не прийти к выводу, что господство над нашей планетой выпадет на долю Соединенных Штатов. Однако, господство

над упадком и разрушением, над голодом, эпидемиями и одичанием означало бы, неизбежно, закат цивилизации самих Соединенных Штатов. Насколько реальна такая перспектива? Длительный упадок человечества в результате новой войны не исключен. Но это, к счастью, не единственная перспектива. Задолго до того, как взаимное опустошение народов будет доведено до конца, испытанию подвергнется политический и социальный строй каждой страны. Работу войны может пресечь революция.

Выше сказано, почему мы мало склонны разделять надежды на то, что пролетариат сумеет в нужную минуту силой противостоять открытию военных операций. Наоборот, в месяцы надвигающейся военной опасности, как и в первый период войны, массами овладеют, с силой естественного рефлекса, «государственные», центроостремительные, патриотические тенденции. Это относится к классам и национальным группам внутри отдельных государств, как и, например, к составным частям Британской Империи. Однако, дальнейший ход военных операций, со своей свитой обнищания, одичания и отчаяния, должен будет не только возродить, но и довести до крайнего развития все трения, антагонизмы и центробежные тенденции, которые раньше или позже найдут свое выражение в восстаниях и революциях. Война, разумеется, и в этом случае останется величайшим бедствием, какое может постигнуть человечество. Но чем раньше народные массы положат ей конец, тем легче человечество залечит раны, какие само нанесло себе. Что же можно сказать, под этим углом зрения о длительности будущей войны?

Так как новая бойня народов начнет с того, чем кончила старая, то истребление человеческих жизней и расходование военных материалов будет с самого начала в несколько раз выше, чем в начале прошлой войны, притом с тенденцией к дальнейшему быстрому возрастанию. Темпы будут лихорадочнее, разрушительные силы грандиознее, страдания народов нестерпимее. Есть, поэтому, все основания думать, что реакция масс наступит не через 2 с половиной года, как в царской России, не через 4 с лишним года, как в Германии и Австро-Венгрии, а значительно скорее. Но окончательный ответ на вопрос о сроках могут, разумеется, дать только сами события.

Что станется при этом с СССР? Оценка советского режима и Красной Армии официальным общественным мнением Запада проходила через несколько стадий. Хаос первой пятилетки приблизил удельный вес советов на мировой арене к нулю. Дальнейший рост промышленности, в том числе военной, — на фоне мирового кризиса — высоко поднял мировой престиж СССР. Страх Франции перед германской политикой реванша дал советской дипломатии возможность стать внушительным фактором европейской политики. Репутация Красной Армии росла при этом не по дням, а по часам. Но это длилось недолго. Кровавая политическая чистка, продиктованная интересами правящей клики и приведшая к истреблению лучших военачальников, вызвала повсюду острую реакцию. Жалкая капитуляция советской дипломатии в вопросе об Амурских островах придала Японии духу для нового удара по Китаю и в то же время усилила вес советов, которые Лондон давал Парижу: не надеяться на Москву, искать соглашения с Берлином. Однако, сегодняшняя уничижительная оценка Красной Армии также односторонна, как и вчерашняя вера в несокрушимость сталинского господства. Подложные обвинения и расстрелы вчерашних идолов вносят, разумеется, неуверенность и деморализацию в ряды армии. Однако, смотри и маневры, обнаружившие пред иностранными генералами выносливость, подвижность и находчивость советского солдата и офицера, остаются реальностью, как и высокие качества советских танков и самолетов, отвага и искусство советских летчиков. Подрывающие оборону кровавые чистки показывают прежде всего, что правящая олигархия вступила в непримиримое противоречие с народом, в том числе и с Красной

Армией. Самая острота противоречия свидетельствует, с другой стороны, об огромном экономическом и культурном росте страны, которой все труднее мириться с режимом Сталина. Политическая революция в СССР, т. — е. низвержение развращенной до мозга костей бюрократической касты, будет несомненно, одним из ближайших последствий войны. Однако, все позволяет думать, если только человечество в целом не будет отброшено в варварство, что социальные основы советского режима (новые формы собственности и плановое хозяйство) выдержат испытание войны и даже окрепнут в нем.

В отношении капиталистического мира можно заранее установить, в качестве незыблемого закона: первыми падут на поле сражения режимы тех стран, в которых аграрный вопрос не получил в свое время демократического разрешения, и где наследие крепостничества растрavляет язвы капитализма. Слабейшим звеном в цепи великих держав окажется на этот раз Япония. Ее социальный строй: милитаризованный капитализм, опирающийся на полуфеодалное варварство, станет, под ударом войны, жертвой грандиозной катастрофы. Среди государств второй и третьей величины наибольшая опасность угрожает Польше, Румынии и Венгрии, где крестьянские массы не вышли, в сущности, из старого рабства.

Следующими по очереди окажутся фашистские режимы: не случайно ведь фашизм пришел к власти прежде всего в тех странах, в которых внутренние противоречия достигли наибольшей остроты. Правда, в области военной, как и дипломатической, тоталитарные государства имеют значительные преимущества над тяжеловесными механизмами демократий, — прежде всего преимущества свободного маневра, не связанного внутренними сопротивлениями. Это не значит, однако, что сопротивлений нет. Они находятся лишь в скрытом состоянии и накапливаются под спудом до момента взрыва. В Германии и Италии недостаток продовольствия и сырья обречет массы на невыносимые страдания. Если в начале войны эти государства могут иметь и, наверное, будут иметь крупные военные успехи, то на следующем этапе они, раньше своих противников, станут ареной социальных потрясений.

Разница, однако, только в сроках. Война уравнивает режимы. Хозяйство будет во всех странах подчинено государственному контролю. Военная цензура, как всегда, будет и политической цензурой. Оппозиция будет подавлена. Официальная ложь получит монопольные права. Граница между тылом и фронтом исчезнет. Военное правосудие распространится на всю страну. Разница в наличии боевых запасов и сырьевых ресурсов будет гораздо более действительной, чем разница в политических принципах.

Мировое положение Франции, как оно установлено версальским договором, ни в каком случае не отвечает реальным ресурсам республики. Ее население не растет. Хозяйство в застое. Собственной нефти нет. Запасы угля недостаточны. Финансы поколеблены. Более, чем какая-либо другая страна, Франция в своей национальной безопасности зависит от других государств: Великобритании и Соединенных Штатов, если не СССР. Война будет означать сведение Франции на роль второстепенной державы. Вместе с мировым положением страны пошатнется и ее социальный режим.

Центробежные тенденции британской империи являются результатом несоответствия между реальным могуществом метрополии и ее историческим наследством. Гигантскими вооружениями метрополия хочет показать колониям и доминионам, что она одна способна обеспечить их неприкосновенность. Расходы по охране империи растут быстрее, чем приносимые ею выгоды. Такого рода хозяйство неизбежно ведет к банкротству. Новая

война будет означать ослабление и распад Великобритании. Крушение империалистского могущества откроет, в свою очередь, эпоху социальных потрясений.

Война не пройдет бесследно ни для одной страны. В муках и конвульсиях весь мир изменит свое лицо.

* * *

Наш прогноз может показаться мрачным. Не наша вина: на палитре нашей эпохи мы не нашли ни розового ни голубого цвета. Мы старались делать выводы из фактов, а не из собственных желаний. Старик Спиноза правильно учил: не плакать, не смеяться, а понимать.

Л. Троцкий.

Койоакан, 9 августа 1937 г.